

ЧИСТО МЕДИЦИНСКОЕ УБИЙСТВО

АЛЕКСЕЙ
МАЛЬЦЕВ

ТАЙНА
РЕЧНОГО
ТУМАНА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М21

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Мальцев, Алексей.
М21 Тайна речного тумана / Алексей Мальцев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100447-7

Захватывающие истории на фактическом медицинском материале, написанные практикующим доктором.

Юбилейная встреча выпускников Медицинской академии на круизном теплоходе обещала быть радостной. Гости, здравницы, воспоминания... Но вскоре выяснилось, что за видимым радушием и общим весельем кроются давнишние обиды и отвергнутые чувства. Хирург Петр Фролов, считающийся в компании самым прозорливым, чувствует, что одними претензиями дело не кончится. Беда не заставила себя ждать — в ночь после банкета происходит жестокое убийство. На теплоходе тихая паника. Кажется, старые счеты сведены и бояться больше нечего. Но неожиданно выясняется, что убит совершенно посторонний человек и, значит, кошмар продолжится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100447-7

© Мальцев А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

КАРТЫ, ТАТУ И ГИТАРА

— Первый тост за альма-матер! — объявил поднявшийся с бокалом Лева Матарас, раньше всех облысевший и больше всех округлившийся. — Нам, коллеги, я считаю, повезло с профессурой... Со школой диагностики, с тем же Институтом сердца... И наши учителя нам действительно кое-что дали. Реально!

— Не кое-что, а все, что могли, — привычным жестом поправив очки, вставила бывшая староста потока, угловатая и нескладная Алена Чубак. — Будем называть вещи своими именами, Левчик!

— Вот именно, — кивнул Матарас, бросив на нее одобрителный взгляд и послав воздушный поцелуй. — А если что-то и недодали, то научили, как нам это взять самим. Скажем им искреннее «спасибо» и отвесим низкий поклон...

Петр Фролов разглядывал лица бывших однокурсников и думал, что эта встреча, посвященная 15-летию окончания вуза, — неплохой луч света в бесконечной врачебной рутине из вызовов, бес-

сонницы, писанины, подключичных инъекций, интубаций¹. Как не хочется снова туда окунаться! Пока есть шанс — надо оттягиваться по полной!

Он, пожалуй, единственный из присутствующих врач «Скорой», где начал работать, еще будучи студентом. Конечно, профессура в вузе дала им все, что надо, даже больше, но... Это была теория, а практику он познал, что называется, в деле, еще на четвертом курсе, когда фельдшером начал мотаться по вызовам. И эта разница между теорией и практикой выпирала порой настолько, что он, случалось, вставал на лекциях и спорил с профессором.

У преподавателя по фармакологии была привычка: если рецепт на занятии выписан неправильно, он ставил «неуд» и приписывал внизу «больной умер». Петр без зазрения совести подходил к ассистенту кафедры и бесстрашно бросал в лицо: «А у меня выжил сегодня ночью и сейчас живет! Могу назвать, в какой больнице, я отвез его туда». Против практики не попрешь! За подобные выходки преподаватели его недолюбливали, все это выливалось в тройки на экзаменах, хотя знал Петр предмет на «пять».

В общем, особенные были с профессурой у него отношения, что и говорить, но выпить за альма-матер — святое дело.

Встреча проходила в ресторане шлюпочной палубы теплохода «Хирург Бекетов», плывущего по маршруту выходного дня вверх по Каме.

¹ Интубация — введение в трахею дыхательной трубки для вентиляции легких.

Все изменились за пятнадцать лет. Кто-то защитился, кто-то бороду отпустил, кто-то женился, кто-то даже умудрился бросить медицину.

У каждого свои достижения. Петр, к примеру, успел развестись. Правда, бывшая жена Элла, работавшая участковым терапевтом, перед самой встречей вдруг подкатила с предложением изобразить супружескую пару, чем не на шутку его смутила.

— Как ты не понимаешь, у нас была студенческая свадьба, Фролов, прикинь, — лепетала она накануне вечером по сотовому, — скажи мы им правду, сколько сразу вопросов посыплется: что да почему? Тебе это надо? Мы как бы... на виду.

— Ты думаешь, они не знают?

— Нет, конечно, откуда? Мы полгода как развелись. У всех свои проблемы, дела, заботы. Не до нас им было.

Сейчас Элла сидела рядом, заливисто смеялась над шутками известного хохмача Мишки Трегубова. Отработав в поликлинике положенный срок интернатуры, Михась прошел специализацию по мануальной терапии и засел в одном из санаториев края.

— Тепло, светло и мухи не кусают, — сообщил он заговорщицки после очередного тоста. — Это как раз по мне. О большем не мечтаю. А насчет того, что зарплата невысокая, так есть такое понятие, как шабашки.

— С шабашек, как известно, пенсия не начисляется, — возразил ему гинеколог Серж Гамаюн. — Это черная зарплата, по сути. Выпил пару раз, и можно забыть.

— Можно выпить, а можно и в банк положить под проценты... Что касается пенсии, я до нее вряд ли доживу, — парировал Михась, потянувшись за гитарой. — Столько воды утечет к тому времени! Мужики, помните нашу... корпоративную...

И под нехитрые аккорды затянул:

*Мне по душе февральские метели,
Пожалуй, со студенческой скамьи...
Когда мы соберемся, в самом деле,
Седые однокурсники мои?*

*Когда наполним звонкие фужеры,
Как в юности, смыкая тесный круг
Хирургов, терапевтов, акушеров,
И главврачей, и докторов наук...*

Песенку поначалу поддержали, однако больше слов никто не помнил, поэтому гитару пришлось отложить.

Петру вспомнился стройотряд после первого курса. Лучше Михася никто не играл на гитаре, и в карты ему равных не было. Базировались они тогда в Катырево — на севере области, вокруг сплошь зоны и спецпоселения. Трегубов один раз на спор «раздел» в «очко» признанного каталу, чем заслужил авторитет не только среди однокурсников, но и среди поселенцев.

Помнится, в тех местах Михась свободно мог сойти за своего: восточная внешность, привычка бриться наголо и куча татуировок на руках — ну чем не бывалый урка, только что откинувшийся с зоны?

Тату и сейчас цепляли глаз, отвлекали, мешая сосредоточиться. Петр представил Трегубова в костюме мануальщика с коротким рукавом и понял, что на прием к такому доктору лично он бы не пошел.

— Не знаю, — снисходительно улыбаясь, заметил Серж. — По-моему, работа в санатории — жуткая скука. Она в основном для бабушек предпенсионного возраста. Кому для стажа не хватает совсем чуть-чуть.

— А где еще, скажи, есть возможность бесплатно прокатиться судовым медиком на теплоходе до того же Питера? До Астрахани? До Москвы? Вот тебе и скука, Серега... Ты не прав! — пустился в возражения Трегубов, пытаясь зацепить с тарелки ломтик маринованного лука. — А сейчас я вам опишу случай, который был недавно. Если кто-то после этого скажет, что у нас скука... Прошу тишины! Короче, у нас в санатории есть сауна с бассейном, которые пользуются большой популярностью. Вы слышали, наверное...

— Ты в этой сауне делаешь массаж каким-нибудь... эмансипированным мадамам, — иронично вставила староста Алена Чубак. — Конечно, это скукой никак не назовешь, тут я с тобой полностью согласна. Имею представление.

— Вы хотите услышать историю? — обиженно загундосил Михась. — Так слушайте! Короче, прибегает ко мне на днях банщица с бледным, как кефир, лицом. Губы трясутся, на лбу — испарина. Михаил Афанасьевич, у меня, говорит...

— Так ты у нас Афанасьевич? — чуть не подавился куском баранины Серж. — Как Булгаков,

значит. Как я тебе завидую... А в вузе помалкивал, скромняга!

— Завидовать потом будешь, когда дослушаешь до конца, — вмешался Петр, чувствуя, что история вот-вот прервется окончательно. — Дайте рассказать человеку.

— У меня, говорит, в сауне труп. Мне что делать? Хватаю фонендоскоп, тонометр — и за ней следом. Забегаем в парилку — лежит на верхнем полке черный как смоль, высушенный, как мумия, мужик. Сухой, твердый — со вчерашнего вечера в парилке, прикидываете?

— Обычное дело, — вклинился на этот раз в повествование Петр. — Острая коронарная смерть, наверняка выпили накануне... Нас вызывают иногда на такие случаи — чтобы констатировать.

— Я про мумифицирование помню только из вузовских лекций, — продолжал возбужденно Михась. — Что в жарких странах с сухим климатом такое случается иногда. Ткани трупа становятся сухими, легкими и твердыми. Мумия, короче. А тут, представляете, наяву столкнулся.

— Так что же произошло? — потребовали наперебой продолжения однокурсники. — Почему никто помощь не оказал?

— Все и смешно, и печально одновременно, — опрокинув стопку и закусив кусочком селедки, продолжал Трегубов. — Вечером компания из трех человек веселилась в номере, выпили прилично. Захотелось поплавать в бассейне. Пьяному море по колено, сами знаете. Заплатили дежурной медсестре. Взяли ключ от сауны. Потом что-то у них не сложилось, рассорились. Да так круто, что

двое вернулись в номер, а потом вообще отправились домой.

— Погодь, погодь, — замахал рукой Матарас. — Ключ от сауны должен находиться, насколько я понимаю, у дежурной медсестры. На худой конец, у вахтера. Ответственные должны беспокоиться, проверять, контролировать...

— Должны, — закивал Трегубов, — ты все правильно понимаешь. Здесь налицо нарушение инструкции. Короче, этот... из трех... остался плескаться, в парилке ему стало плохо, отключился. Утром банщица приходит, предбанник открывает, видит одежду. Думает, кто-то из своих решил с утра взбодриться, поплавать, врубает температуру в парилке с шестидесяти до девяносто.

— Поджарила жмурика, значит, — усмехнулся кудрявый, очкастый, чем-то напоминающий жюль-верновского Паганеля патологоанатом Жора Рябухин. — Тоже мне, шашлык нашла... У вас не скучно, у вас опасно для жизни!

— Через пару часов заглядывает, — продолжал Михась, не обращая внимания на оппонентов, — одежда там же, она еще добавила. Короче, где-то в полдень, почувяв неладное, заглянула в парилку и... чуть рядышком не легла. Приехал паренек со «Скорой» для констатации, глаза квадратные, сам впервые видит такое.

— Меня во всей этой жутковатой истории, — Матарас даже привстал для убедительности, — интересует один непраздный вопрос. Как скоро после этого случая сауна вернулась в штатный режим? Уверен, что не сразу. Там, где побывал труп, париться и мыться, знаете ли...

— И опять ты прав, — одобрительно кивнул Трегубов. — После этого случая неделю в парилке никто не был, боялись заходить. Несмотря на сан-обработку. А потом — понеслось все по новой.

Тут все вразнобой стали рассказывать случаи из своей практики. Петр решил подождать, пока их запас слегка иссякнет, и постучал вилкой по рюмке, привлекая внимание:

— Вот у меня случай был... Совсем недавно, весной, в эпидемию гриппа.

— У нас «Скорая» уже на гриппозные вызовы выезжает? — тряхнув кудрями, вставил вопрос Рябухин. И сам же ответил на него: — Не дело это! Добром не кончится!

— Нам косвенно достается. Особенно в связи с реформой этой долбаной... Короче, представьте ситуацию: вызовов выше крыши, а тут одна бабка каждую неделю «мерцать»¹ начала. Начитается газет, посмотрится разных ток-шоу... Плюс — в Интернете погуляет по соцсетям и ну выдавать пароксизм за пароксизмом².

— У, какая продвинутая бабка, — заметила невролог Лизавета Хмельницкая.

— Про пожары в развлекательных центрах, — продолжил Петр, подмигнув Лизавете, — захваты заложников да авиакатастрофы разные. Ну, сердечко и соскакивало с ритма. В стационар ее увезешь, там за день ритм восстановят, к концу недели она снова дома, снова телик смотрит да

¹ Мерцать — здесь жаргон — страдать мерцательной аритмией.

² Пароксизм — сбой ритма сердца.

газеты читает... Короче, требовалось сделать что-то радикальное, чтобы оборвать череду бабкиных мерцаний. Все на ушах от этой бабки уже были. И решил я привлечь к делу старую забытую психотерапию.

Настала очередь возмущаться Матарасу:

— Какую? Старую? Забытую? Да она моложе всех других специальностей и дисциплин, вместе взятых. Она — девушка на выданье! Девственница, можно сказать!

На Матараса зацыкали, и он вскоре умолк, а Петр, отправив в рот порцию салата, продолжал:

— Приехал к ней на вызов с пакетом, перевязанным красной атласной ленточкой. Лестничная площадка пропахла корвалолом. Обстановочка еще та... Вхожу, как маг и волшебник. Ну, приступ сняли на второй инъекции новокаиамида...

— Свечи зажег, помахал павлиньими перьями, — не унимался Матарас. — Благовония всякие распылил по квартире.

— Вы, говорю, Прасковья Антипьевна, по гороскопу Овен, значит, и охранять вас будет планета Марс, бог войны. Распаковал пакет, а там оказался армейский ремень. Продырявил его в нескольких местах, магические крестики накорябал. Говорю, не снимайте ни при каких обстоятельствах, наденьте на голое тело, и приступов больше не будет. Она вся затрепетала, прониклась торжественностью момента, надела, и приступов больше не было.

— Дешевый трюк, кстати, — вставил Матарас. — Я бы придумал что-нибудь более оригинальное. Типа заклинания племени Тхапуту.

На него снова зацыкали.

— Концовка у этой истории печальная, — подытожил Петр. — В апреле как-то в некоторых домах отключили воду, и направилась наша Прасковья Антипьевна в баню.

— Как? — вскрикнул Серж. — И здесь баня? Не может быть. Неужто опять со жмуриком? Прямо банно-прачечный криминал какой-то. Вы сговорились, что ли?

— И в бане бабушка сняла ремень, — обреченно продолжал Петр, чувствуя нарастающее раздражение. — Не будет же она в нем мыться. А не следовало этого делать. Без ремня, как нам рассказали те, кто ее видел, она прожила буквально несколько секунд. Вызвали нас... Я ехал и словно чувствовал — сердце было не на месте. Приезжаем, а она лежит поперек женской раздевалки.

— Вот вам сила психотерапевтического внушения, — подчеркнул Левчик Матарас, наполняя свою рюмку. — А Петро не до конца прочувствовал всю ответственность, которую на себя возлагает. Отнесся халатно, так сказать... В результате чего бабка пострадала.

— Ты убил бабку, — заметил патологоанатом Жора Рябухин. — Убийвец! Ты ее фактически мне на стол положил! Надо было предусмотреть все варианты развития событий.

— Что вы накинулись на него! — встала на защиту бывшего мужа Элла. — Все варианты предусмотреть невозможно. Бабка сама сняла ремень, и точка! Зато на несколько месяцев «Скорая» получила передышку.

КАРМАН ЧУЖОГО ПЛАЩА

Матарас припомнил следующий случай из практики, вновь сконцентрировав внимание на себе. Взрыв женского смеха, последовавший буквально через пару минут, свидетельствовал, что и этот рассказ пришелся аудитории по вкусу.

Лишь один человек не участвовал в этом круговороте веселья, в какофонии эмоций и воспоминаний.

Глеб Царегородцев по прозвищу Царь. Высокий, нескладный, с выдающимся греческим носом, он и в институте всегда немного дистанцировался от тусовок, слыл молчуном и отшельником. Отвечал невпопад. Когда все падали от смеха, искренне недоумевал, отчего так весело. Что другие обычно схватывали на лету, он просил разжевать и прояснить. Как говорили тогда на кафедре патанатомии — препарировать. Эта странность ничуть не помешала ему стать оперирующим урологом высшей категории.

— Что он здесь делает? — недоумевала Элла. — Так тоскливо посидеть за фужером он мог и дома, не платя этих денег. Или урологи сейчас много зарабатывают? Как к такому... йети люди вообще на прием приходят, как доверяют свои интимные подробности?

— Как вы жестоки, Элла Леонидовна! — с иронией заметил Петр. — Может, как специалист он выше всяких похвал. И сейчас, на празднике воспоминаний, отказываете коллеге в удовольствии посидеть среди однокурсников, послушать тех, с кем когда-то учился. Ну и что, что не участвует,